Ольга Михайлова

Мистика для интеллектуалов

ЗАМОК ИСКУШЕНИЙ

Ольга Михайлова
Замок искушений
Серия «Мистика для интеллектуалов», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17204463
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Трое молодых студентов Сорбонны приглашены провести каникулы в старинном замке Тентасэ. Замок не обманывает ничьих ожиданий, хоть здесь собираются люди с разными вкусами и разными моральными принципами. Хозяин поместья радушен и гостеприимен, и ничто не предвещает беды. Но множатся странные предзнаменования, появляются и исчезают загадочные надписи на стенах, гостей замка одного за другим настигает страшная смерть, и даже самые проницательные не могут назвать таинственного убийцу и понять причину непонятных смертей. Серия «Мистика для интеллектуалов» включает себя романы о дьяволе. Но не о том, киношном и шутовском, аллегории обаятельного зла, чей образ столь часто эксплуатируется сегодня, а о подлинной сущности Палача на службе Бога – умнейшего искусителя, творца иллюзий и «адского фигляра». Не во всех романах серии он проступает в своем подлинном обличии, но

глаза человека духовного, безусловно, различат его следы в гибельных событиях и лживых фантомах самых разных эпох.

Содержание

Пролог 5
Глава 1, 12
Глава 2, 24
Глава 3, 35
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Ольга Михайлова
ЗАМОК ИСКУШЕНИЙ

Я в безднах души, как в дремлющих прудах,
свет лунный наблюдал на их зеркальной глади.
Какая тишина…
Но стоит подойти, вспугнув полночный мрак, -
и тина чёрная извергнет бурых гадин…

В. Гюго

Пролог

1819 год

Откуда берётся зло? Нелепый вопрос. Оно незримо таится в душе человеческой, и если силы души, воли, в ней оказывается недостаточно для устремления к Господу, душа становится рабой порочных склонностей и чёрных прегрешений, кои приведут её в свой черёд к мрачной бездне ада.

Франсуа Виларсо де Торан никогда не имел повода ненавидеть своего старшего брата. Анри родился на полтора десятилетия раньше, и всегда был для него любящим наставником и защитником. Он первым посадил малыша Франсуа в седло, научил читать звериные следы и ставить капканы. Он же позже делился с ним любимыми книгами. И был доволен понятливостью младшего братишки: Франсуа схватывал

все с полуслова, был умён и одарён многими талантами. Когда Франсуа исполнилось пятнадцать, Анри женился, и через три года в домашней церкви был крещён его первенец – Этьен, племянник Франсуа, а ещё через пять лет на свет появилась дочь, которую нарекли Сюзан.

В год её рождения отец Анри и Франсуа, граф Фабиан, скончался, распорядившись в своем предсмертном акте наследования весьма разумным образом. Его старший сын Анри получил в своё распоряжение, равно как и в распоряжение своего потомства, фамильный замок Торанов, а младший – небольшую вотчину Виларсо, вполне достаточную для его нужд. И Франсуа не почёл себя обделённым. В то время этот раздел показался ему справедливым.

Однако вскоре произошло событие, странным образом изменившее его мысли. Его брат, уехав в Париж, не вернулся к назначенному дню, а вскоре пришло горестное известие о его гибели на дуэли. Молодая жена графа не перенесла удара – и вскоре двадцатичетырехлетний Франсуа Виларсо де Торан перебрался в замок отца и брата, став опекуном его малолетних детей.

Именно тогда, глядя с балкона, как резвятся на зелёной траве его племянник и племянница под присмотром гувернантки, Франсуа впервые задумался. Обстоятельства сложились для него более чем благоприятно и в ближайшие годы, до двадцатипятилетия Этьена, он был полным хозяином всех владений Торанов. Но потом? Щенок подрастёт – и за-

хочет распоряжаться сам. Между тем Франсуа уже успел вкусить все прелести обладания фамильным достоянием.

Исчезновение же племянника дало бы ему право и на титул…

Если чёрный замысел, родившийся в душе, находит опору в уме, – ум, помрачённый дурным помышлением, начинает плести паутину злодейских мыслей. Если этот ум слаб и некрепок – зло, порождаемое им, мелко и читаемо мудрыми, но если разум силён и глубок – горе тем, на кого направлены его злые помыслы. Франсуа Виларсо де Торан обладал умом изощрённым, и даже – извращённым, и потому понятные многим злодеяния претили ему. Возиться с окровавленными трупами, испортить себе реноме в глазах соседей? Прослыть Жилем де Рэ, Синей Бородой? Помилуйте, мсье…

Выход подсказал ему аббат Жирар Бертран, причём подсказал невольно, абсолютно не ведая о его желаниях. Отец только что вернулся тогда из Дижона от своей родни и рассказал о гибели прекрасного юноши из благородной семьи: его погубили раннее растление и пагубные склонности. «А все материнские потачки да отцовские слабости. Воистину, захочешь погубить человека – исполни все его прихоти…»

Франсуа внимательно выслушал священника и ничего не сказал, но именно тогда он уже понял, что нужно делать. Он внимательно пригляделся к Этьену, заметил в мальчишке делающее ему честь душевное тепло, доброту, умение со-

страдать. Щенок был доброжелателен и мягок, смел и искренен. Сюзан росла живой и подвижной, брат и сестра всегда ладили, были веселы и жизнерадостны.

Мсье Виларсо де Торан спокойно приступил к исполнению своего чёрного замысла. Едва племяннику исполнилось двенадцать и он вышел из отрочества, его дядя, и до того позволявший юнцу некоторые книги, коих осмотрительная мать или заботливый отец никогда не разрешили бы прочесть сыну, теперь стал ещё более внимателен в выборе книг. Не забыл он и о племяннице, наняв ей в гувернантки Катрин Фоше, обвиненную в растлении своего предыдущего подопечного. Мадемуазель Фоше поначалу, получая прекрасное жалование, пыталась хотя бы внешне на новом месте вести себя пристойно, однако вскоре ей было сказано, что детей следует подготовить к жизни, а не растить, как оранжерейные цветы. Ей показалось, что она ослышалась, но мсье Франсуа заметил, что его дорогой мальчик, малыш Тьенну, должен знать, что такое подлинная галантность, как заслужить любовь женщин, он не должен оказаться простофилей ни в чём. То же касалось и его племянницы. И если ей, Катрин, это удастся – она получит прекрасные рекомендации на будущее.

Мадемуазель Фоше была особой весьма понятливой. Через неделю юная Сюзан начала рассуждать о том, что в жизни очень важно насладиться всеми удовольствиями, которые дают богатство и молодость, а малыш Тьенну потерял невин-

ность. Через два года отрок, по сугубому настоянию мсье Франсуа, был представлен известному тогда в столице очаровательному мсье Шаванелю и был обучен умению обходиться и без женщин. Но сделать из него мужеложца Франсуа не хотел, – общение с женщинами сулило его питомцу куда больше сложных ситуаций, чем тайные потехи содомитов. При этом Этьен и Сюзан были исполнены искренней любви к своему дорогому дядюшке, столь доброму и щедрому: ведь им никогда ни в чём не отказывали.

Замысел мсье Виларсо де Торана был близок к осуществлению. В двадцать пять лет Этьен должен был стать хозяином своей вотчины. Срок опеки истекал. С теми склонностями, кои Франсуа удалось сформировать в юнце, с теми взглядами, что разделяла его сестра – далеко ли было до беды?

Между тем, в это время в их приходе произошло достаточно обыденное, чтобы не сказать – заурядное событие. Одна из вполне приличных девиц, дочка папаши Русселя, кровельщика, оказалась беременной. Отец Бертран, огорчённый падением овцы своего стада, счёл возможным вставить этот эпизод в свою воскресную проповедь, на которой, как водится, присутствовал и господин Виларсо де Торан. О судьбе несчастной соблазнённой Розалин Руссель священник упомянул вскользь, призвав девиц блюсти добродетель.

«Грех блудодеяния глубоко проник в нашу падшую природу. Он начинается прежде падения телом – с блудного помысла, приводит к порочному самоуслаждению, и неотступ-

но начинает преследовать несчастного, пленяя ход его мыслей и чувств, превращая его в раба низкого порока. Не разжигайте в себе бесовские страсти, возлюбленные мои, – звучал с амвона голос отца Бертрана. – Берегите себя… Но не меньший грех совершают и те, – продолжал священник, – кто лишает невинности молодые души, растлевая, толкая их на путь разврата и греха, насмехаясь над целомудренными, занимаясь сводничеством – всё это соучастие в убийстве ближнего…»

Отец Жирар был любим прихожанами за безупречное поведение и почти неземную кротость, его слушали в молчании, но вдруг случилось то, о чём церковное предание повествует в житии епископа Амвросия Медиоланского. Стоило отцу Бертрану замолчать, откуда-то из гущи его паствы раздался тоненький детский голосок: «А Рэнэ Карно дьявол утащит в ад?» Сын местного булочника Карно и соблазнил юную Розалин. Прихожане молча ожидали ответа священника, и тот, улыбнувшись малышу, ответил, что если тот не восполнит нанесённого ущерба, он рано или поздно заплатит за свои деяния.

– Вспомним Писание, возлюбленные. «Горе миру от соблазнов, ибо надлежит придти соблазнам; но горе человеку, через которого соблазн приходит…» – Говоря это, добросердечный отец Бертран не заметил, как странно потемнело вдруг лицо Виларсо де Торана. Ногти мсье Франсуа впились в его ладони, и он в молчании дослушал слова Господ-

ни, коими священник увещевал прихожан. – «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если повесили ему мельничный жернов на шею и потопили бы его в глубине морской…»

Тут господин Франсуа нахмурился. Да, он растлил чистые души, превратил малютку Сюзан в хладнокровную стерву, озабоченную только успехом у мужчин да роскошными тряпками, а Этьена – в бессердечного повесу, чьи жертвы уже исчислялись десятками, отправившего ещё до достижения совершеннолетия на тот свет шестерых – оскорбленных братьев, женихов, отцов. Честно говоря, Франсуа рассчитывал, что одна из дуэлей прервёт жизнь самого Этьена, и он, Франсуа, наконец получит долгожданный титул и станет полноправным владельцем отцовских земель, но его расчёты пока не оправдывались. Слишком рано посаженный на коня, слишком рано сжавший рукоять шпаги и пистолета, Этьен, как назло, был неуязвим, точно заговорён, хотя за свои мерзости давно заслуживал или пули, или удара шпагой. Оставалось всего полгода. Срок оговоренной опеки заканчивался в августе.

Но теперь перед мсье Франсуа встал гадкий вопрос, о котором он до проповеди отца Бертрана как-то не думал. А что за сделанное с детьми брата заслуживает он сам?

Жернов на шею?

Глава 1, в которой читатель знакомится с героями, прибывшими на лето из Парижа в старинный замок Тентасэ

– …Извините, мсье, но дальше я не проеду, – возница повернулся на козлах к трём молодым людям, которые, поняв его правоту, уже покидали экипаж. Дорога в горном ущелье была завалена грудой огромных валунов. При падении каменные глыбы раскололись, и теперь весь уступ, по которому пролегал их путь, был непроходим.

– Далеко ли ещё? – спросил у кучера один из них, Огюстен Дювернуа, субтильный юноша с бледным, довольно невзрачным лицом и пушистыми, слегка вьющимися волосами, образовывавшими вокруг его лица странное подобие пепельного нимба. Сейчас, когда на волосы падали солнечные лучи, они отливали красновато-рыжими бликами.

– Нет, тут совсем рядом, – заторопился кучер, – после завала идите прямо по дороге, вдоль реки, потом увидите старую мельницу, дальше дорога разветвляется, но вы не ошибётесь – замок искушений, ой, простите, замок Тентасэ, он виден издали. Его нельзя не заметить, до него отсюда меньше

трети лье, – возница торопливо развернул лошадей и двинулся в обратный путь.

Молодые люди, взяв вещи, стали осторожно пробираться по самой кромке обрыва, лавируя меж упавших на дорогу камней. Один из них – Рэнэ де Файоль, коротко остриженный брюнет с тонкими чертами подвижного лица и умными тёмными глазами, оживлённо поинтересовался:

– Этот глупец просто оговорился? Причём тут искушение? Или это какое-то предание? – Вопрос свой он обращал к Огюстену, ибо приглашение погостить в замке Тентасэ на время каникул в Сорбонне, они получили именно от него.

– Конечно, оговорился. Le château des tentation и Château de Tentaseu – вот дурачок и перепутал.

– Края красивые, но неужели нельзя было расчистить дорогу? – протискиваясь боком у каменной глыбы, с досадой заметил третий из них – Арман Клермон. На вид он был крепче и куда красивей остальных, но сейчас его несколько портило застывшее на лице выражение недовольства. Он не хотел ехать к незнакомым ему людям, всячески противился и уступил настояниям приятелей в последнюю минуту, однако сейчас чувствовал себя особенно неловко, ожидая встречи с неизвестным ему хозяином замка.

– Полно, Арман, – отмахнулся Рэнэ. – Наш извозчик же сказал, что обвал произошёл только в пятницу. Расчистят, – Файоль был оживлён и жизнерадостен. Впрочем, его всегда отличали мягкая плавность речи и подчеркнутое внимание к

собеседнику, создававшие ему репутацию весьма обаятельного человека. В нём обращала на себя внимание и та живость, что именуется diable au corps.

Неожиданно все они остановились, вынужденные пропустить двух путников, шедших навстречу – разминуться на гряде камней было невозможно. Клермон удивлённо оглядел встречных: они казались погорельцами, были в копоти, шли, шатаясь, как пьяные. Глаза их, по-монашески отрешённые, смотрели, казалось, внутрь себя, один заботливо поддерживал другого, совсем обессиленного. Оба они прошли мимо, одарив их пугающе безрадостными взглядами. Клермон проводил странников встревоженными глазами. Кто это, Господи? Откуда они? Файоль и Дювернуа, однако, почти не обратили на встречных внимания, брезгливо посторонившись. Все молодые парижане проследовали дальше и, миновав мельницу, остановились.

– Вы только посмотрите… – Дювернуа замер, восторженно оглядывая открывшийся на повороте дороги огромный замок.

Да, что и говорить, было на что посмотреть. Излучина реки живописно окаймляла каменистый уступ, на котором, словно вырастая из него, возвышался замок Тентасэ – огромное строение с двускатной крышей и тремя большими островерхими башнями. Замок сохранял едва заметные следы многих переделок: некоторые окна были убраны и сровнены со стенами, сложенными из терракотового камня, сходного с

тем, что составлял береговые уступы. История тысячелетий, вызывая почтение и восторг, витала над ним. Сзади высилась поросшая лесом горная гряда, и Клермон, внимательно оглядев древнюю цитадель, не мог не оценить её фортификацию. Сейчас, во время таяния снегов в горах, когда реки стали полноводнее, замок был неприступен. С миром его соединял только хлипкий арочный мост, чьи прибрежные опоры были сильно подмыты.

Путешественники двинулись было к замку, но тут сзади раздались чьи-то оживлённые голоса и приезжие, обернувшись, увидели молодого человека и девушку, машущих им от мельничного поворота. Невдалеке маячил пожилой человек в синей ливрее. Все трое молодых мужчин, бросив осторожные взгляды на девицу, ощутили, что сердца их забились куда резче, чем минуту назад, однако присутствие её спутника сковывало их.

Через минуту состоялось знакомство. Юноша, высокий смуглый красавец, назвавшийся Этьеном Виларсо де Тораном, представил молодым людям свою сестру Сюзан. Упоминание о родственных связях сразу оживило глаза Огюстена и Рэнэ, ибо Сюзан была просто красавицей. С робкой улыбкой смотрел на неё и Клермон, отметив, что девице не более двадцати лет, брат же казался лет на пять старше. Клермон подумал, что, сколь ни хороша Сюзан, Этьен, величественный и обаятельный, выглядит ярче и заметней сестры. Сам Этьен, дружески поздоровавшись с Огюстеном, оглядел

и его друзей, которых видел впервые. Под его пристальным и умным взглядом Клермон смешался, и даже Рэнэ де Файоль, которого трудно было смутить, почувствовал себя неловко. Этьен же, церемонно поклонившись Клермону, куда менее чопорно, почти фамильярно поприветствовал Рэнэ.

Мадемуазель Сюзан тоже оглядела тех, с кем ей предстояло провести лето. Рэнэ де Файоль показался ей обаятельным и игривым, Клермон – сдержанным и застенчивым, а Дюверну́а – несколько вульгарным, но если среди парижской толпы их можно было бы выделить, то сравнения с её братом никто из них не выдерживал. Впрочем, Клермон, бывший одного роста с графом, не сильно терялся на его фоне, но костюм… Боже мой, где он взял эти лохмотья? Сюзан бросила на Клермона взгляд, исполненный нескрываемой жалости.

Тот заметил его и покраснел.

Вся компания проследовала в замок, немного задержавшись на мосту, наблюдая за бурлящей на перекатах рекой. Вода имела здесь странный буровато-зелёный цвет, что приезжие объяснили цветом местной почвы. После моста вымощенная коричневато-желтым камнем дорога, обогнув основную башню и боковую стену замка, привела их к необыкновенно живописному арочному входу, густо увитому плющом.

Все остановились, пораженные гордым величием широкого парадного подъезда, фасада с двадцатью окнами, всем внушительным видом здания, два крыла которого словно

обнимали приезжих. Утро давно миновало, но за боковой уступ дома солнце перевалило только что, и сейчас роса, ещё не высохшая в тени, блестела драгоценными бриллиантами на изысканно вырезанных акантовидных листьях.

Рэнэ и Огюстен наперебой старались развлечь очаровательную мадемуазель Сюзан, а Клермон, ещё не забывший пренебрежительного взгляда девицы на его костюм, обменивался вежливыми фразами с Этьеном, когда вдруг неожиданно умолк на полуслове. Над арочным перекрытием он заметил некое подобие десюдепорта, в овальном углублении которого виднелась надпись. Удивительно, что она была не вырезана в камне, а скорее, камень был выбран вокруг нее, буквы казались выпуклыми и видны были только сейчас, когда солнце освещало замок со стороны входа. Этьен заметил направление взгляда собеседника и тоже увидел слова.

– Это на латыни?

Остальные некоторое время разглядывали надпись, но через минуту Файоль и Дювернуа обернулись к Клермону.

– Вы у нас книжник, Арман. Что там написано? Дата постройки и какое-то изречение?

Клермон не ответил. Буквы были несколько нелепы, некоторые казались словно перевернутыми, напоминали детские каракули. Он достал из кармана жилета записную книжку и методично, закусив от напряжения губу, скопировал надпись. Но прочитать её не смог – отдельные буквы были нечитаемы, к тому же его прервало появление хозяина.

Его светлость герцог Робер Персиваль де Тентасэ де Шатонуар оказался человеком неопределимых лет и равно необычной внешности. Его лицо, в первую минуту вызвавшее оторопь прибывших резкостью и жесткостью черт, затем, – стоило его светлости улыбнуться и радушно пригласить их в дом, – показалось мужественным и подлинно аристократичным. А через несколько минут все были убеждены, что никогда ещё не встречали столь очаровательного и милого человека. Удивительно было и то, что Дювернуа и Файолю хозяин замка показался сорокалетним, мсье Виларсо де Торан подумал, что его родственнику давно идёт пятый десяток, Клермон же был убежден, что его светлости далеко перевалило за шестьдесят.

Герцог любезно осведомился у мадемуазель Сюзан, которую назвал своей очаровательной родственницей, где же её подруги, о которых известил его в последнем письме Этьен? Где телега, посланная им за их вещами? Та, любезно обняв его, сообщила, что Лора, Элоди и Габриэль подъедут чуть позже, слуга стоит у обвала, он встретит их и проводит в замок. Вполне удовлетворившись этим объяснением, его светлость кивнул, а Дювернуа и Файоль переглянулись. Чёрт возьми, дивное местечко, да ещё вдобавок четыре девицы… Просто рай.

Сюзан же оживленно болтала с хозяином замка, причём из их разговора Клермон к своему немалому удивлению понял, что брат и сестра видели своего родственника впервые

в жизни.

– Я представляла вас совсем иным, ваша светлость, думала, что вы гораздо старше, а Этьен полагал, что вам где-то около семидесяти.

Герцог лучезарно улыбнулся.

– Увы, дорогая племянница, в этом я похож на женщин: совершенно забываю свой возраст. С тех самых пор, как мне стукнуло сорок, я начал отсчитывать годы в обратную сторону, потом понял свою ошибку, но исправление её отдавало педантизмом, а я не люблю педантов. Потом всё же решил быть точным, ибо научная точность вошла в моду – да вот беда, за те годы, что я не хотел быть педантом, я утратил память об исходных числах. Можно было, конечно, поставить точку отсчёта там, где это удобно, ибо мир лишен сегодня абсолютных мер отсчета, но я подумал, что несколько опережаю время, ведь ещё не сказано, что всё относительно…

Потом хозяин – сама любезность – представил им своего егеря, мсье Камиля Бюффо, тощего подвижного человека с вытянутым и чуть перекошенным лицом, и домоправителя, мсье Гастона Бюрро, высокого худого мужчину с выразительными иссиня-чёрными глазами, который выказал полную готовность сделать все, чтобы гости его светлости чувствовали себя в высшей степени уютно. Он показал предназначенные им апартаменты. Арман Клермон, узнав, что центральные двери в длинном коридоре, куда их проводили, ведут в библиотеку, выбрал комнату рядом, а Файоль и Дювер-

нуа устроились в апартаментах соседнего крыла, рассудив, что так можно будет оказаться поближе к мадемуазель Сюзан и её, как они надеялись, очаровательным подругам.

Пока прибывшие осматривали свое новое жилище, восхищаясь его изысканной роскошью, в нескольких лье от замка по дороге ехала ещё одна карета. В экипаже сидели три девицы, связанные сестринским родством, правда, не особенно заметным. Старшей – мадемуазель Лоре д'Эрсенвиль – было около двадцати трех лет. Нежный овал лица обрамляли пепельные волосы, и в чуть размытых, каких-то акварельных чертах, читались мягкость и утончённость. Средняя, Элоди, мало походила на сестру, в семье говорили, что она «пошла в монашеский род», её волосы были намного темнее, а черты, как говорили между собой сестры, «напоминали ночное привидение». Под высоким лбом светились сине-серо-зеленые глаза, таившие неженский ум, бледные впалые щеки зрительно ещё больше удлиняли узкое лицо, остальные черты почти не читались, во всяком случае, глаз их не замечал. Было очевидно, что девятнадцатилетняя Элоди намного умнее и решительнее сестёр, но ей недоставало той чуть раскованной и пикантной женственности, что так чарует мужские сердца. Она была несколько резка в движениях и редко думала о том, какое впечатление производит. Младшая из сестер, Габриэль, была семнадцатилетней девицей, светлокудрой и белокожей, похожей на Лору, черты её были скорее приятны, чем красивы, зато в ней в избытке была та кокетливая игри-

вость юной женственности, которой так не хватало Элоди. Она молча слушала разговор сестёр, не вмешиваясь в него.

В голосе же Элоди, в словах, обращённых к старшей сестре, сквозили надлом и отчаяние.

– Ты должна опомниться, Лоретт! Ты погубишь себя, это безумие! О нём говорят ужасные вещи и, если хоть половина правдива – он чудовище! – в глазах Элоди застыло выражение ужаса, – Всё, что может сделать такой человек – осквернить тебя и погубить. Такой не может любить! – она истерично всхлипнула и умолкла.

Лоретт с улыбкой взглянула на Элоди и незаметно переглянулась с Габриэль. Тихо вздохнула. По её отрешённому спокойствию было ясно, что слова сестры ничуть не задели её сердца. Что понимает эта пансионерка, чьё сердце ещё никогда не знало подлинного чувства? Да и способно ли познать? Она вздохнула, с чуть аффектированной нежностью поцеловала сестру, и кротко проговорила:

– Как ты можешь так говорить – и только на основании вздорных слухов? Ведь ты совершенно не знаешь Этьена. Клевета, движимая завистью, всегда стремится очернить и красоту, и добродетель, и знатность, и обаяние, стараясь смешать их носителей с грязью. Не следует верить злобным наветам, моя девочка. Верить надо сердцу. – Мягкие и рассудительные слова Лоры подействовали на Элоди успокаивающе, но тревога в её сердце ничуть не улеглась. Она, опустив глаза, предалась всё тем же беспокоящим и горестным мыс-

лям.

В конце весны Лора встретила в Париже благородного юношу необыкновенной красоты, одним лишь взглядом покорившего её сердце. Она страстно полюбила его и была просто счастлива получить от его сестры Сюзан приглашение провести лето в замке Тентасэ, у дальних родственников Виларсо де Торанов, где, как она знала, будет и Этьен. Элоди, видя увлечение сестры и неоднократно слыша от своих подруг по пансиону о весьма предосудительных наклонностях молодого человека, пыталась убедить её выкинуть пагубную страсть из сердца, но поняв безуспешность уговоров, напросилась поехать вместе с ней, рассчитывая своим благоразумием уберечь сестру от опрометчивых поступков. Габриэль, не захотев оставаться без Лоретт в городе, уговорила ту взять с собой и её.

– Я уверена, как только ты увидишь Этьена, Диди, ты поймешь, насколько лживы все слухи о нём. Ты, я знаю, полюбишь его как брата, – улыбнулась напоследок Лора.

Карета неожиданно остановилась. Около двери стоял пожилой человек в ливрее, вежливо осведомившийся, не сестры ли они д'Эрсенвиль? Девушки кивнули и услышали, что его оставили специально, чтобы встретить их и проводить в замок. Мсье и мадемуазель Виларсо де Торан уже там. Лора, Элоди и Габриэль переглянулись, покинули карету и двинулись уже знакомым нам путем вслед за слугой, погрузившим на телегу их вещи – в дополнение к саквояжам графа и его

сестры.

В замке их приветствовали столь же любезно, как и всех остальных. Мсье Бюрро устроил двух старших сестёр в отдельных комнатах – одну в центральном крыле, другую – в ближнем, Габриэль же достался уютный будуар на втором этаже в дальнем крыле замка. Из-за того, что они прибыли позже остальных и не слышали разговора у входа, они не заметили и надписи над ним.

Впрочем, солнце уже перевалило за конёк двускатной крыши, и никакой надписи на фронтоне видно не было.

Глава 2, просто пояснительная. В ней коротко рассказывается том, почему трое друзей, прибывших в Тентасэ, вовсе не были друзьями

Арман Клермон называл себя парижанином, хотя родиной его предков была старая Шампань. Его дед, граф Шарль-Патрик Амеди де Гэрин де Клермон в страшный год царствования кровавого Робеспьера лишился всех земель и родового замка и попал на гильотину. Во времена, последовавшие после ста наполеоновских дней, его сын кое-что – в состоянии удручающем – сумел получить обратно, кое-как продал, чтобы обеспечить будущее сына, и вскоре семья перебралась в Париж.

Юный Арман с детства понял, что их обстоятельства изменились, и ему придется пробиваться самому. Он сразу сделал то, что удивило и насторожило отца – решительно избавился от зримых признаков былого аристократизма, одевался подчеркнуто просто, впрочем, ничего иного позволить себе и не мог, и стал подписываться просто Клермоном. Отец заметил ему, что пренебрежение к собственному происхождению смешно в выскочке, но постыдно в дворянине, но Ар-

ман не внял ему.

Он был ребенком странного времени. Революция обрушила устои привычного порядка, но возникшая на его руинах кровавая вакханалия ужаснула, её исход вопиюще не совпадал с рассудительными предначертаниями мыслителей былого, и отдаленно не напоминая то царство свободы, равенства и братства, какое возвещали именем справедливого здравомыслия вчерашние властители дум, чьи наилогичнейшие поучения обернулись полуночным бредом. Подлинное развитие событий выглядело куда своенравнее благих ожиданий и изощрённых выкладок философического Разума.

Перед его отрезвляющим уроком рассудочность выглядела глупостью.

Клермон появился на свет три года спустя после того благословенного дня, когда в грязную корзину под гильотиной рухнула голова Робеспьера, чудовища, погрузившего страну в кровавое марево террора. Всё, случившееся в эти безумные годы Клермон знал по рассказам. Бабка хотела воспитать в нём мстителя за поругание, отец – человека, умеющего всё простить. У них ничего не получилось. Арман не хотел прощать, но не мог и мстить призракам, ушедшим в долину смерти, и потому просто пытался жить впечатлениями, будь то безудержная фантазия, россыпь рифм на лету, зыбкие грезы или вспышки душевных озарений. Но не всегда получалось. Он был умён и рассудителен, презирая и ум, и рассудительность.

Довольно внимательно, хотя и безучастно юный Арман наблюдал взлёт и падение Наполеона. Отроком он стал свидетелем омерзительно-забавной сцены в Люксембургском саду, где увидел брата императора Жерома, который, прогуливаясь с компанией молодых шутников, подошёл к старой даме в немодном платье и сказал:

– Мадам, я страстный любитель древностей и, глядя на ваше платье, я хотел бы запечатлеть на нём восхищенный и почтительный поцелуй. Вы мне разрешите?

Дама ответила ему очень ласково и любезно:

– Охотно, мсье. А если Вы не почтете за труд посетить меня нынешним вечером, то сможете поцеловать и мою задницу, которая является ещё большей древностью – она на сорок лет старше платья.

Эта была насмешливая и безжалостная оплеуха века минувшего, человеком которого от себя чувствовал – веку парвеню, времени тщеславных выскочек, крутящихся у новых тронов. При этом сам Арман не понимал, что наиболее болезненно для него: поруганная ли честь семьи, сокрушённая ли гордыня, сполна ли прочувствованное унижение нищеты?

Арман замкнулся, пытаясь продумать свой дальнейший путь, в котором, по здравом размышлении, ничего утешительного не видел. Вернуть величие роду? Жизнь, пожертвованная честолюбию? Но он не был честолюбив и не хотел заискивать перед новыми хозяевами жизни. Жизнь, отданная

величию? Но он ощущал в себе то рыцарственное величие благородной крови, которой претит желание подняться над ничтожествами. Карабкаться вверх свойственно только плебеям. Арман же по-прежнему оставался патрицием. Жизнь, посвящённая накопительству? Он тихо вздыхал, морщась, словно от зубной боли. Любовь? Арман сжимал зубы ещё сильнее.

Когда ему исполнилось восемнадцать, отец заверил его, что они сумеют оплатить его обучение в Парижском университете, закрытом Чудовищем, но вновь открытом Наполеоном. Он согласился и, поступив туда, неожиданно обнаружил блестящие способности. Огромное серое здание в самом сердце Латинского квартала, выпускники которого веками составляли цвет французской образованности, стало для него родиной духа. Книги, старинные фолианты университетской библиотеки, огромные инкунабулы с пергаментными страницами, пахнущие затхлой замшей и немного – мёдом и плесенью, зачаровывали его. Он не чувствовал голода и зова плоти, погружаясь в таинство чуждых букв, разбирая полустёртые знаки на ветхих страницах. Здесь он обретал себя, расслаблялся, не чувствуя своей ущербности.

Вскоре Клермон обратил на себя внимание профессора Жофрейля де Фонтейна, кумира студентов, который отметил в Армане недюжинные дарования, невероятную усидчивость и почти монашескую серьёзность. Сблизившись со своим питомцем, обнаружил и роднящее их сходство судеб.

Во время революции многих профессоров Сорбонны гильотинировали. По мнению Марата и Робеспьера, учёность вела к неравенству. Отец Фонтейна, профессор Сорбонны, погиб во время террора, семья была разорена.

Фонтейн смог добиться для Армана персональной стипендии, что вызвало у студента слезы благодарности. Сам профессор был одинок, и в ученике хотел найти если не сына, то наследника своей кафедры и, хотя до панибратских отношений никогда не снисходил, они порой болтали как приятели.

Однажды профессор поинтересовался у Армана, как тот решает проблемы плотских тягот? Имеет ли подружку? Клермон некоторое время молчал, потом заметил, что подружка ему не по карману. Он не лгал, но правда была несколько сложнее. Почти непреодолимая робость перед женщиной всегда мешала ему. Однажды Файоль затащил его в известный парижский квартал, где услуги жриц любви стоили мизерно мало, но его первый опыт закончился ничем. Он чувствовал необъяснимый ужас. Клермон рассказал это учителю. «Мне казалось, что я кощунствую или, точнее сказать, просто пытаюсь сотворить мерзость».

– Это пограничное состояние для людей… – тихо заметил Фонтейн, – вы – не от мира сего, мой мальчик.

Клермон не знал, что на это ответить. Книги поглощали его время и мысли, сердце же словно окаменело. Он не мог опуститься до плебейского ничтожества помыслов и поступ-

ков, обнаружил в душе ревностный стоицизм и христианское смирение, готовность перенести всё, но – зачем? Однако пересилить похоть ему помог не стоицизм натуры и не омерзение от блудных притонов. Толстая шлюха, подружка Файоля, тогда, посмеиваясь, спросила его, не хочет ли он сам, – ведь внешне-то совсем недурён – стать «юным другом» одного финансового воротилы? Тут напрягаться не придётся, деловито заметила она, и он сможет сменить свои лохмотья на что-то поприличней. Проститутка испуганно замолчала, заметив, как страшно потемнел его взгляд.

Больше Арман в упомянутый квартал не выбирался.

– Мне показалось, что у вас ещё чистое сердце, мой мальчик, – договорил тогда профессор. – Чистое для приобщения к святости и любви Божьей. Знаете, когда голова отца упала перед моими глазами в корзину, я понял, что мир потерял что-то самое главное. Мне было тогда столько же, сколько вам сейчас. Четверть века… да, почти четверть века я думал над этим. Искал. Я понял, что потерял мир. Он утратил Бога и Любовь. Понял я и ужас этой потери. Двойной ужас. Первый ужас – в лёгкости, невесомой лёгкости её потери и невероятной трудности её обретения. А второй, самый страшный, в том, что потеряв её навсегда, мир потеряет смысл. Человек, не обретший святость, проживает жизнь впустую, даже управляя Империей.

Арман внимательно слушал.

– Вы говорите о святости как о нравственности, профес-

сор?

Фонтейн побледнел и резко поднялся. Голос его стал глух и размерен, совсем как на лекциях.

– Святость – это отражение в себе облика Господнего, мой мальчик. Нужно жить в милосердии и смирении, кротко снисходя друг к другу и прощая взаимно. Более же всего надо любить Господа и людей, любовь есть совокупность совершенства. Иначе остаётся лишь несостоявшееся существование человека, который стареет, как пустоцвет, и сгнивает в смраде.

Арман сумрачно выслушал учителя.

– Ваш отец и мой дед – погибли потому…

– …что люди перестали любить Бога, мой мальчик. Вы молоды – и мои слова вам непонятны. Пока – просто запомните их. Но я верю, что вы поймёте, – профессор подошёл к Клермону, – вы, мой мальчик, будете из тех, чьё существование придаёт миру смысл. Таких, как вы – единицы. Но мир живёт немногими.

Он нагнулся к Арману, и его ледяные губы обожгли горячий лоб Клермона.

* * *

На курсе Арману, студенту-богослову, симпатизировали молодые юристы Огюстен Дювернуа и Рэнэ де Файоль, жившие по соседству, но сам Арман относился к ним насто-

роженно. Утончённость и прекрасное воспитание Дювернуа казались ему деланными, а милое остроумие и живой ум Файоля не вызывали доверия. Узнав их ближе, он утвердился в своём мнении, за свободой поведения заметив скрытую порочность обоих, а сквозь поверхностность суждений сокурсников скоро проступило отсутствие принципов.

Тем не менее, в университете их считали друзьями.

Рэнэ был сыном обедневшего и нетитулованного дворянина, который четырнадцатого июля штурмовал Бастилию, потом вошёл в Национальную гвардию и был делегатом Учредительного собрания вместе с Мирабо и Лафайетом. Однако в октябре оказался среди кордельеров, а после вареннского кризиса, в июле семьсот девяносто первого, стал членом Якобинского клуба. Когда год спустя было объявлено, что «отечество в опасности», он несколько отошёл от политики, наблюдая склоки между якобинцами-монтаньярами и жирондистами. Жирондисты – Бриссо, Верньо и Ролан – были ему симпатичны, а фанатичный Робеспьер, хилый Марат и тупой Дантон казались в некотором роде le bas-fonds – отребьем, но в день победы при Вальми, на первом публичном заседании Конвента он вместе с якобинцами настаивал на вынесении королю смертного приговора, потом праздновал поражение интервентов при Флёрюсе, но летом девяносто четвертого он примкнул к заговору против Робеспьера, и как участник переворота Девятого термидора пожинал его плоды. Преуспевал он и после, при Наполеоне, везде обнару-

живая всё то же умение гениально чуять направление политического ветра, и сумел составить неплохое состояние. Он мог бы приобрести и графский титул, если бы не счёл, что в новое время он будет скорее помехой, чем подмогой.

Рэнэ был истинным сыном своего отца, и его противоречивый характер некоторые принимали за сложность натуры, безмозглые же резонёры и корчащие из себя святош клерикалы называли беспринципным.

Что до Огюстена, то он был сыном богатого человека, чьи плебейские замашки навсегда закрывали ему дорогу в приличное общество. Но можно быть плебеем, не будучи глупцом, и мсье Шарлю Дювернуа хватило ума купить дворянство и нанять для обучения и воспитания сына разорившегося графа из Анжу. Старику Анри де Сент-Верже не нравился его воспитанник: угнетали плебейская пошлость и низость суждений, трусость, лень и склонность к мелким пакостям. Но в мелких начальных распрях между учителем и учеником отец всегда брал сторону педагога, что являлось ещё одним свидетельством ума торговца. Огюстен, поняв, что бесполезно жаловаться отцу, ибо за любую жалобу он лишь получал дополнительную порцию розог, покорился, и эта слабость пошла щенку на пользу: Сент-Верже не сумел сделать из него благородного человека, ибо это было невозможно, но создал внешнее его подобие, и для тех, кто судит по первому впечатлению и внешнему виду, а таких большинство, Огюстен выглядел вполне пристойно. Это позволило ему войти в

общество и завести там полезные знакомства. Если Огюстен становился собой, в нём снова проступали наглость взгляда, развязность речей и плотоядность улыбки, но собой он, по счастью, бывал теперь редко – лишь основательно напившись.

Когда Огюстен получил приглашение от одного из своих знатных друзей, графа Этьена Виларсо де Торана, провести каникулы в замке своего дальнего родственника неподалёку от Гренобля, при этом захватить с собой двух друзей, его выбор сразу пал на Рэнэ и Армана. Файоль был приятен в общении, они полностью понимали друг друга, но случись что – Клермон будет незаменим. Дювернуа, хоть и посмеивался над тем, что звал «les singularités du puceau», «причудами девственника», чувствовал исходящую от Армана странную силу, ту мощь, в которой ему самому, изнеженному и слабому, было отказано. Кроме того, Дювернуа, что делало честь его учителю, теперь старался чаще общаться с людьми благородными, учиться и манерам, и жестам, и речи, а в Клермоне, как бы тот ни пытался играть буржуа, аристократизм был врождённым.

Файоль, услышав о возможности отдохнуть в горах, тоже не возражал против Клермона, хотя по совсем иным причинам: тот всегда был замкнутым и сдержанным, и на его фоне обаяние и живость Рэнэ казались особенно выигрышными.

Но Клермона пришлось долго уговаривать – несмотря на полный пансион и самые заманчивые обещания, он не хотел

ехать, стыдился своего полунищенского гардероба, чьё убожество становилось особенно заметным на фоне расфранчённых приятелей, и лишь понимание, что отцу будет легче без него кое на чём сэкономить, да обронённое Фонтейном замечание о редкостных списках поэм Гильома де Машо, Эсташа Дешана и Алена Шартье, которые, как тот слышал, хранились в замке Тентасэ, заставили всё-таки решиться на вояж.

Замок Тентасэ не разочаровал ни Файоля, ни Дювернуа, а стоило Арману бросить взгляд на полки старинной библиотеки замка – он тоже перестал сожалеть о приезде.

Глава 3, в которой гости замка Тентасэ имеют возможность приглядеться друг к другу, обозначить собственные предпочтения и даже обменяться мнениями по этому поводу

Впервые общее знакомство состоялось в столовой, огромной ортогональной комнате, расположенной в одной из башен замка. Мадемуазель Элоди д'Эрсенвиль с тревогой ждала знакомства с человеком, от которого зависела судьба сестры, и когда у входа, чуть опередив её в коридоре, пред ней любезно распахнул дверь статный синеглазый красавец, она замерла.

– Вы… вы мсье Виларсо де Торан?

Красивый юноша, однако, застенчиво улыбнувшись, представился Арманом Клермоном, заметив, что его сиятельство – уже в столовой. Сам он проводил недоумённо-восторженным взглядом стройную девицу с глазами лесной лани, и лишь усилием воли прогнал странное онемение, охватившее вдруг всё тело.

Через минуту в столовой состоялось представление. Его сиятельство граф Этьен Виларсо де Торан с особой сердечностью поприветствовал сестёр д'Эрсенвиль, и Клермон заметил, как замерла, остановившись в немом изумлении перед ним та высокая тоненькая брюнетка, что приняла его самого за Этьена, как испуганно отступила на шаг и в молчании выслушала его любезные слова, ничего не сказав в ответ. Собравшимся её представили как мадемуазель Элоди д'Эрсенвиль. Её старшая сестра, милая бледная девушка с нежной улыбкой, обратилась к Этьену со словами ласковыми и кроткими, а та, что была моложе всех, бросила на молодого графа испуганно-восторженный взгляд.

Рэнэ и Огюстен старались угодить всем дамам, при этом Клермон отметил странное впечатление на мужчин, которое произвела мадемуазель Элоди: Рэнэ удивлённо замер, оглядывая её как диковинку, Дювернуа, казалось, несколько испугался и даже попятился, Этьен же, заметив как она разглядывает его, сначала улыбнулся, но потом улыбка быстро сползла с его лица, не встретив ответной улыбки. Глаза девицы, казалось, пронизывали его насквозь, и взгляд этот был неприятен. Граф отвёл глаза и поспешно обернулся к мадемуазель Лоре.

Все исподтишка продолжали разглядывать друг друга, не забывая вежливо отвечать на расспросы хозяина, интересовавшегося своими гостями. Теперь в его светлости в полной мере проступил некий высший такт вельможи – умение опи-

сать других так, как они видят себя сами. Клермон отметил, что герцог ни разу не задел ничье самолюбие, беседовал со всеми, и в то же время каждому из гостей казалось, что хозяин больше всего рад в собравшейся за столом компании именно ему.

Герцог уронил несколько изысканных комплиментов мсье Дювернуа. Подумать только, с каким вкусом подобран шейный платок! Просто бесподобно! Какое понимание моды и стиля! Не в каждом сегодня встретишь столь безупречный вкус! Мсье де Файолю был задан лестный вопрос о том, не он ли сын господина Эдмона де Файоля, известного политика, сподвижника Льва Неаполя и автора блестящих статей в «Le Figaro»?

С Арманом Клермоном герцог заговорил о своей библиотеке, обратил ли мсье Арман внимание на редчайший из его манускриптов – триста восемьдесят шестого года? Мсье де Клермон нашёл этот манускрипт? Ещё нет? Весьма рекомендую. Последняя, самая высокая полка на тринадцатом стеллаже. Это действительно редкость. А заметил ли он codex rescriptus, который ему удалось купить абсолютно случайно в одном итальянском монастыре – это собрание булл Иннокентия III, в миру – Лотарио ди Сеньи, умершего в Перудже в тысяча двести шестнадцатом году? Великий был человек. Сам он, Робер Персиваль, в родстве с графами ди Сеньи. Что? Поэмы Гильома де Машо, Алена Шартье и Эсташа Дешана? О, ну конечно, четвёртый стеллаж.

Сам мсье де Клермон, судя по выговору, из бывшей Шампани или все же из Оверни, Пюи-де-Дома? Верным оказалось первое предположение, и тогда его светлость галантно осведомился, здравствует ли его отец? Узнав, что да, заметил, что счастлив приветствовать у себя его милость виконта де Гэрина. Клермон смутился и поправил его. Вотчины де Гэрин в семье давно нет, пробормотал он чуть слышно, он – просто Арман Клермон.

– Вас зовут Арман Патрик де Гэрин де Клермон, юноша. Ваш дед был граф Шарль-Патрик Амеди де Гэрин де Клермон, ваш отец ныне – граф Эдмон Люсьен, и вы по его смерти унаследуете его титул. Разве вам не говорили, что пренебрежение к собственному роду смешно в парвеню, но низко в дворянине? Генеалогия дома Блуа-Шампань, графов Блуасских, Бульонских, Труа, Шатоден, Клермон, королей Наваррских, идущих от Тибо, виконта де Тур, – не та, которой надлежит пренебрегать. Наследник крови Вильгельма Завоевателя не должен становиться плебеем даже мысленно. Вашей далекой прабабке – Луизе, дочери Мадлен де Ромфорт и Жана де Конэ, сира дю Марто, вышедшей за Оливье де Гэрина, сира де ла Боссе, уверяю вас, было бы стыдно за праправнука.

Поймав на себе внимательный взгляд мадемуазель Элоди д'Эрсенвиль, Клермон, хоть и смутился, не мог не почувствовать себя польщённым. Арман не хотел упоминания о былом величии своего рода – именно потому, что не мог ему

соответствовать, но в то же время при этой девушке Арману совсем не хотелось казаться парвеню.

Особое внимание герцог уделил сёстрам д'Эрсенвиль, почему-то обращаясь преимущественно к средней. У мадемуазель такое имя – это семейная традиция? Мадемуазель Элоди сдержанно ответила, что это имя она получила от матери в честь бабушки – та была кармелитской монахиней Компьеня, и стала мученицей.

Арман взглянул на неё с болезненной жалостью и пониманием: он при первом же взгляде на неё понял, что мадемуазель Элоди – иная, непохожая от остальных, отметил, что, в отличие от своих спутниц, она совершенно свободна от желания понравиться, несуетна и очень спокойна, а теперь понял и её затаённую скорбь – место родового перелома у него тоже болело.

– Ваша бабушка была монашкой? – В голосе Сюзан прозвучало недоумение. Она с изумлением рассматривала Элоди, будучи не в силах понять, как это в одной семье среди столь хорошеньких девчушек могло появиться на свет этакое страшилище. – А что за мучение она приняла?

– Её гильотинировали в девяносто четвёртом. Монахинь Компьеня, чей монастырь был уже конфискован, отправили тогда в Париж, бросили в камеру смертников. Трибунал уже издал «Закон о подозрениях», и для суда не нужны были ни доказательства, ни защитники, достаточно было простого подозрения, чтобы приговорить обвиняемого к смер-

ти. Кармелитки прибыли тринадцатого июля, в воскресенье, четырнадцатого, заседания были прерваны по случаю празднования годовщины взятия Бастилии. Был праздник Мадонны Песнопений, вечером того же дня их предупредили, что завтра их ждёт трибунал. Обвинение утверждало, что они были «сборищем мятежниц и фанатичек, питающих в своих сердцах преступную жажду видеть французский народ в оковах тиранов, кровожадных и лицемерных священников: жажду видеть, как свобода будет потоплена в крови, которую они своими подлыми происками всегда проливали именем неба». Это был обычный стиль тогда. – Элоди рассказывала тихо и бесстрастно, ни на кого не глядя, – одна из сестёр, услышав от обвинителя слово «фанатички», спросила, что он подразумевает под этим словом? «Я понимаю под этим, – ответил Фуке Тэнвиль, – вашу преданность наивным верованиям, эти ваши глупые церковные обряды». Сестра поблагодарила его, а потом, обращаясь к сёстрам, сказала: «Вы слышали заявление обвинителя о том, что все это происходит из-за любви, которую мы питаем ко Христу. Возблагодарим же Того, Кто шёл впереди нас по пути к Голгофе! Какое счастье иметь возможность умереть за нашего Бога!» В шесть часов вечера того же самого дня, со связанными за руками их повезли к Венсенской заставе, к эшафоту на старую площадь Трона. Обычно конвоиры расчищали дорогу между двумя шеренгами пьяной и орущей толпы. Но говорили, что эти повозки проехали среди молчания толпы. Затем настоятель-

ница встала в стороне перед эшафотом, держа на ладони руки маленькую глиняную статуэтку Святой Девы, которую ей удавалось прятать до этих пор. Все монахини целовали её и шли на смерть. Среди них была и мать моей матери – после смерти мужа она приняла постриг.

Сюзан прожевала спаржу и недоуменно вопросила:

– Разве они не могли сбежать?

– Смерть за Христа – высшая награда для христианина, зачем бегать от неё?

Сюзан рассмеялась.

– И вправду, фанатички. Но казнить женщин – это ужасно. Все эти кошмары революции просто жутки, дядя говорил, что чувствовался недостаток в топливе и освещении, и соседи поочередно приносили друг к другу вязанку хвороста, чтобы поболтать при огне. Согласись, Фанфан, ужасные были времена, – обернулась она к брату.

Этьен галантно согласился, хоть сам их, разумеется, не помнил. Но он имел на этот счёт своё мнение.

– Революция уничтожила все монастыри, потому что разнузданностью нравов эти святоши надоели всем. Это было неотвратимостью возмездия. Я уверен, стоит перерыть архивы религиозных орденов – раскрылись бы чудовищные злоупотребления, извращения и кощунства клерикалов. Кто знает, не совпадают ли сатанинские безумства вандейского палача Карье или Марата с духовной смертью аббатств? Революция лишь разрушила руины.

Герцог усмехнулся. Он обернулся к мадемуазель Элоди д'Эрсенвиль, которая хрустальными, остановившимися глазами смотрела на Этьена. Клермон никак не мог определить их цвет – в них мелькали то голубой, то серый, то зеленоватый оттенки, иногда глаза отдавали бирюзой, а иногда – лазуритом.

– Вы не согласны с утверждением моего племянника, мадемуазель?

Мадемуазель опустила ресницы и тихо произнесла, что она посоветовала бы мсье Виларсо де Торану перечитать Книгу Иова. Тон её голоса прозвучал на октаву ниже, был глух и сумрачен. Клермон бросил на Элоди взгляд, в котором мелькнули слёзы, ему на миг показалось, что она заметила их, и Арман поспешно отвёл глаза.

Кстати, наклонился тут его светлость к Этьену, он позабыл сказать. У него в библиотеке есть и один из первых списков Vita Stephani Grandimontensis, составленного в тысяча сто тридцать пятом году. Герцог полагал, что это будет интересно его племяннику, ведь это его небесный покровитель. Этьен с удивлением посмотрел на его светлость. Это вовсе не было ему интересно.

Между тем Рэнэ де Файоль, незаметно рассматривая девиц, сразу выделил теперь мадемуазель Элоди д'Эрсенвиль, поразившую его своей утончённой красотой. Чёрная жемчужина, серый опал и розовый перламутр! Он был покорён и взволнован. Девица была столь изысканно сложена и столь

одухотворённо прелестна, что в первую минуту он даже обмер. Но нечего и думать заполучить такую куколку в постель – ничего не светит, это понятно. Фразы, уроненные красоткой, говорят о нраве ханжеском и суровом. Его самого – едва взглядом окинула. Нет, к черту – надо заниматься тем, что плывёт в руки. И всё же… Надо попробовать. Если же нет… Он оглядел Сюзан, тоже весьма привлекательную. Правда, теперь, в сравнении с необычной внешностью мадемуазель Элоди д'Эрсенвиль, её красота поблёкла и казалась несколько заурядной, но он все же улыбнулся и ей. Впрочем, недурна была и Лоретт. Да и младшая, Габи – тоже лакомый кусочек…

Дювернуа показалась привлекательной мягкая женственность мадемуазель Лоретт, но и Сюзан, бесспорно, была хороша. Впрочем, любая сойдёт. Он посмотрел на Элоди д'Эрсенвиль, и подумал, что с такой лучше не связываться: и вправду фанатичка, хотя грудь – просто божественна. Но, воля ваша, глаза – Немезида, ей-богу. Так и ждёшь, что метнёт молнию. Нет. Такая ему и даром не нужна. Уж больно много апломба да гонору. На него и взгляда-то не кинула.

Каждый мужчина интуитивно понимает уровень своих притязаний. Если он честен, то обозначает его прямо, если склонен к самообману, то выдаёт этот уровень за предел возможного. Дювернуа мог рассчитывать только на то, от чего откажутся другие, но никогда себе в этом не признался бы. И потому, уподобляясь лафотеновской лисице, Огюстен скло-

нен был называть гнилым или кислым недоступный для него виноград.

Оставшуюся часть дня гости провели за осмотром замка. Мсье Бюрро взял на себя роль чичероне и проводил их по пиршественным залам, картинным галереям и жилым покоям, потом – по тяжёлым ступеням башенных лестниц привёл на смотровую площадку, откуда хорошо были видны живописные окрестности. Клермона немного пугал этот человек с пасмурными глазами, который, чем больше улыбался и шутил, тем сумрачнее казался, зато шутки его светлости были искромётны и остроумны, и гости то и дело покатывались со смеху.

Несмотря на лето, стемнело рано, солнце скрылось за горным уступом, когда не было ещё и восьми. В сгустившейся темноте Рэнэ де Файоль заметил светящиеся точки. Мадемуазель Сюзан предположила, что это светляки и захотела поймать нескольких. Его светлость, однако, отсоветовал своей очаровательной родственнице покидать пределы замковой ограды после наступления темноты. То, что ей показалось невинными светляками, вполне может оказаться глазами волка – несколько их бродит тут неподалёку. Бюффо, тунеядец, трутень, дармоед и бездельник, обещал отстрелять, да так и не взялся. Сюзан испуганно, но кокетливо вскрикнула, и больше вопрос ночных прогулок не поднимался.

* * *

Через час все девицы собрались в гостиной Сюзан. Кроме Лоретт, мадемуазель Виларсо де Торан никого из них не знала, и сейчас с любопытством присматривалась к девушкам. Правда, Элоди ей не понравилась – и лицо узкое, и глаза какие-то дикие, и ведёт себя странно и говорит какой-то вздор о каком-то Христе. Кто сегодня об этом вспоминает? Монашка, одним словом. Но мадемуазель Габриэль показалась ей очаровательной, живой и милой, и вскоре они уже свободно болтали.

Самой мадемуазель Элоди Сюзан Виларсо де Торан тоже не понравилась. Да, красавица, под стать брату, но её суждения несли печать пустоты и духовной помрачённости. Впрочем, что удивляться – каков братец, такова и сестрица. Выпускница католического пансиона в Шарлевиле, причём, как ядовито отмечали сестры, «лучшая из лучших», Элоди с чистым сердцем восприняла слова своих духовников. Разумеется, по возвращении из пансиона она не могла не заметить, насколько далека реальная жизнь от тех добродетелей, кои ей проповедовали. Это расхождение, однако, не вынудило её пересмотреть свои принципы, но заставило преисполниться презрением к царящим вокруг нравам. И сейчас Элоди подумала, что в лице сестры мсье Виларсо де Торана судьба столкнула её с особой безнравственной и пошлой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.